

Владимир Короленко

**Легенда о царе и
декабристе**

Владимир Короленко
Легенда о царе и декабристе

«Public Domain»

1911

Короленко В. Г.

Легенда о царе и декабристе / В. Г. Короленко — «Public Domain», 1911

ISBN 978-5-457-13381-5

«10 сентября 1856 года губернатором в Нижний Новгород был назначен генерал-майор Александр Николаевич Муравьев. Послужной список нового губернатора был не совсем обыкновенный. Родился он в 1792 году, девятнадцати лет участвовал в Отечественной войне, получил знак отличия за Кульмское сражение. Двадцати четырех лет был уже полковником, но в 1816 году, заразившись заграничными идеями, внезапно бросил службу и вместе с Никитой Муравьевым основал первое в России тайное общество «Союз благоденствия». Еще шаг – и он очутился в среде декабристов...»

ISBN 978-5-457-13381-5

© Короленко В. Г., 1911
© Public Domain, 1911

Содержание

I	6
II	8
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Галактионович Короленко

Легенда о царе и декабристе

(Страничка из истории освобождения)

1

Публикуемый очерк В. Г. Короленко, впервые увидевший свет в 1911 г. в журнале «Русское богатство» (№ 2, сс. 113–140), в советское время не переиздавался (даже не вошел в собрание сочинений В. Г. Короленко). Между тем, он представляет несомненный интерес. Главный герой очерка – А. Н. Муравьев (1792–1863) – декабрист, основатель ранних декабристских организаций, впоследствии отошедший от движения, был осужден к ссылке в Сибирь без лишения чинов и дворянства. В Иркутске началась его служба в «чиновничьих дебрях», продолжавшаяся практически до смерти. Последние годы жизни А. Н. Муравьев был нижегородским военным губернатором, много способствовал проведению крестьянской реформы в крае. Главное, что заинтересовало В. Г. Короленко, и что он хотел передать: «...мечта юности, которую человек осуществляет стариком..., юношей член общества или точнее «Союза благоденствия», потом... городничий, наконец, губернатор, остающийся в душе членом «Союза благоденствия». Очерк представляет интерес и как образец творчества В. Г. Короленко, мало известного современному читателю. По справедливому замечанию советского литературоведа Л. Г. Фризмана, «в большом и многогранном творчестве Короленко немного найдется вещей, которые так отразили бы кристальную чистоту его облика, его этический максимализм, цельность убеждений этого рыцаря в жизни и литературе».

---

¹ Публикация и примечания Т. Г. Дмитриевой.

I

10 сентября 1856 года губернатором в Нижний Новгород был назначен генерал-майор Александр Николаевич Муравьев.²

Послужной список нового губернатора был не совсем обыкновенный. Родился он в 1792 году, девятнадцати лет участвовал в Отечественной войне, получил знак отличия за Кульмское сражение. Двадцати четырех лет был уже полковником³, но в 1816 году, заразившись заграничными идеями, внезапно бросил службу и вместе с Никитой Муравьевым основал первое в России тайное общество «Союз благоденствия». Еще шаг – и он очутился в среде декабристов.⁴

В «Росписи государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда осуждаемым к разным казням и наказаниям» по делу о восстании 14 декабря, А. Муравьев значится в разряде VI, где о нем сказано так:

«Полковник Александр Муравьев. Участвовал в умысле цареубийства согласием, в 1817 году изъявленным, равно как участвовал в учреждении тайного общества, хотя потом от онога совершенно удалился, но о цели онога не донес».

По приговору суда государственные преступники этого разряда (которых, впрочем, было только двое: полковник Муравьев и дворянин Люблинский⁵) подлежали ссылке на каторжные работы на шесть лет и поселению в Сибири. Но, в виду «чистосердечного раскаяния», участь А. Н. Муравьева была смягчена. Он был сослан в Восточную Сибирь без лишения чинов и орденов⁶, а через два года получил право определиться на государственную службу. Бывший полковник, основатель «Союза благоденствия» и декабрист, стал в 1828 году иркутским городничим.

С этих пор он проходил разные ступени чиновничьей иерархии: был последовательно председателем – сначала иркутского, потом тобольского губернского правления, исправлял временно должность тобольского губернатора, затем в 1834 году возвратился в Европейскую Россию в качестве председателя вятской уголовной палаты. Потом занимал ту же должность в губернии Таврической, потом стал губернатором в Архангельске. В 1854 году опять поступил на военную службу и участвовал в Севастопольской кампании. Здесь застала его перемена царствования.

Молодой император не скрывал своего желания приступить к освобождению крестьян. Искренность этих его тогдашних намерений обнаружилась, между прочим, в том, что он окружил себя людьми, настроенными освободительно: параллельно с оживлением в обществе и народе, в бюрократии тоже происходили соответственные перемещения и перемены.

---

² Владимир Галактионович Короленко более 10 лет прожил в Нижегородском крае. Он поселился в Нижнем Новгороде в январе 1885 года, когда после долгих скитаний получил разрешение вернуться в Европейскую Россию, и жил здесь под надзором полиции.

³ А. П. Муравьев стал полковником в 23 года – 7 марта 1816 г., что было удивительно даже для того времени, когда в результате продолжительных войн офицерский корпус русской армии значительно помолодел.

⁴ А. Н. Муравьев был членом преддекабристской организации «Священная артель», основателем «Союза Спасения», членом Военного общества и «Союза Благоденствия» до мая 1819 г. За успехи на военном поприще товарищи звали его «Маршал де Сакс» в честь знаменитого полководца н. XVIII ст. Морица Саксонского. Но в 1818 г. карьера его была внезапно прервана. В октябре он вышел в отставку, но не «по семейным обстоятельствам», как было записано в формуляре, а в знак протеста против «незаслуженного обращения» – ареста по распоряжению Александра I за ошибки, допущенные унтер-офицерами на крещенском параде. В сентябре 1818 г. А. Н. Муравьев женился на княжне П. М. Шаховской (1788–1835) и поселился в деревне, а в мае 1819 г. он объявил о своем решении покинуть тайное общество и вернул все хранившиеся у него документы Союза Благоденствия.

⁵ Люблинский Юлиан Казимирович (1798–1873) – настоящая фамилия Мотошнович. Из обедневшего шляхетского рода.

⁶ По конфронтации 10 июля 1826 г. А. Н. Муравьев был сослан в Сибирь без лишения чинов и дворянства.

Муравьев решил опять бросить военную службу и отдать великому делу свою административную опытность, приобретенную в сибирских, вятских и архангельских чиновничьих дебрях.

Таким-то образом, в тревожные, как грозное весеннее утро, годы накануне реформы, когда в воздухе уже реяли всевозможные слухи и превратные толкования, когда в народе разносились крамольные вести о предстоящей свободе, а дворянство и власти растерялись и не знали, как отнестись ко всему происходящему, – Нижний Новгород был осчастливлен вестью о назначении губернатором основателя первого в России тайного общества, бывшего участника «в замысле царубийства», декабриста, приговоренного некогда к каторге.

Что же представлял он на самом деле, и каково то «искреннее раскаяние», которое позволило «каторжнику» подвигаться по ступеням службы и занять, наконец, один из важнейших после Петербурга и Москвы губернаторских постов? Да еще в такое тревожное время?

Естественно, что этот вопрос, очень важный, пожалуй, трагический для тогдашних «командующих классов» нижегородского губернского мира, занимал всех при этом назначении. Ждать его разрешения пришлось недолго. Губернатор-крамольник обнаружил свою личность выразительно и ярко, надолго оставив по себе память в Нижегородском крае.

II

В то время, когда я поселился в Нижнем, то есть в половине 80-х годов прошлого столетия, там еще сохранялись кое у кого списки многочисленных сатир и пасквилей, в которых поэты, главным образом дворянского сословия, пытались воспроизвести фигуру Муравьева в том виде, как она представлялась с дворянской точки зрения. Летописец Нижегородского края, известный в свое время «областник», А. С. Гациский⁷ тщательно собрал и сохранил от забвения эту рукописную литературу, передав ее в местную архивную комиссию. В 1897 году некто г. Юдин извлек из архивных недр и напечатал в «Русской старине» (сентябрь) самое объемистое из произведений этого «муравьевского цикла», так и озаглавленное: «Муравиада».⁸ Нужно сказать с некоторым прискорбием, что это поэма очень грязная, написанная неуклюжим стихом и вообще бездарная до оскорбления вкуса. Но для характеристики Муравьева в ней все-таки есть интересные черты. Г. Юдину показалось даже, что она выражает отрицательное отношение к Муравьеву всего населения. Это – наивность тем большая, что «всего населения» тогда, пожалуй, вовсе и не было. Были мужики, нетерпеливо ждавшие свободы и глухо волновавшиеся в этом своем нетерпении; было образованное общество, с восторгом встречавшее всякий шаг на пути освобождения, и было большинство дворян, растерянных и испуганных реформой. И у каждого из этих элементов было свое отношение ко всему, в том числе, конечно, и к Муравьеву. Не трудно было разглядеть, что «Муравиада» отражала губернатора-декабриста в крепостническом зеркале. Вся она проникнута острой, но бессильной враждой, вынужденной питаться пошловатыми мелкими сплетнями, направленными вдобавок (не совсем по-джентльменски) не столько даже против самого Муравьева, сколько против жившей у него племянницы, фрейлины Муравьевой⁹.

Надо, однако, отдать справедливость дворянской музе. Она не ограничилась одной «Муравиадой», в некоторых, не столь объемистых ее произведениях видны, пожалуй, и искренность, и одушевление. Искренность вражды, одушевление ненависти, но все же эти чувства поднимают тон, диктуют порой яркие, гневные, иной раз даже слишком выразительные эпитеты. Например:

И от злости ты ревел,
Лиходей лукавый,
Что в крестьянах не успел
Бунт возжечь кровавый.

Или:

Ты хитрейший санкюлот,
Хуже всех французских.
Девяносто третий год
Готовил для русских.

---

⁷ Гациский (Гацицкий) Александр Серафимович (1838–1893) – видный деятель земского и городского самоуправления, историк, статистик и исследователь Нижегородского края.

⁸ См. Русская старина (далее – РС), 1897, № 9. С. 539–559.

⁹ Дворянские сочинители обвиняли живших в доме нижегородского губернатора сестер покойной жены – М. М. Муравьеву, Б. М. и К. М. Шаховских, их племянницу Прасковью Михайловну Голынскую (1822–1893) – действительно получившую звание фрейлины благодаря хлопотам Муравьева – в том, что они вмешиваются в служебные дела, раздают родственникам «доходные места», принимают подношения.

Самые мягкие из этих отзывов обвиняют Муравьева в том, что он

...популярности искал.
Свободы дух распространял,
Прогрессом бредил и народ
На бунт подталкивал вперед.

Особенно часто и злорадно дворянская сатира останавливается на так называемой «Муравьевской башне»¹⁰. В 80-х и даже девяностых годах остатки ее еще можно было видеть на высоком берегу Оки, против ярмарки, и нужно признать, что сооружение вышло не из удачных. Предполагалось водрузить на ней огромный циферблат, видный «со стрелки», который, по-видимому, должен был напоминать всероссийскому купечеству обязательные часы открытия и закрытия лавок, во избежание законного штрафования. Оказалось, однако, что часы видны плохо. Башня, кроме того, дала трещины, и верхний ее этаж пришлось для безопасности проходящих снять. Дворянская сатира нашла в этом предмете обильную пищу, и около «муравьевской дылды» зародились стишки, остроты, обвинения, как грачи около старой колокольни. Много неуклюжих строк посвящено этой башне в «Муравиаде». Другой поэт видит в ее постройке скрытую цель:

– Ты башню здесь соорудил...
– Чтоб поколения земли
Ввиду ея с почтеньем шли,
Вспоминая каждый раз,
Как ты господствовал у нас,
Как вольность здесь восстановил,
Вопрос крестьянский в ход пустил.

Здесь дворянская муза непосредственно простодушна и искренна: она ставит вопрос прямо, не прибегая к мелкой сплетне.

Для нее преступление Муравьева состоит в том, что он «восстановил вольность» и «пустил в ход крестьянский вопрос», что и было на самом деле.

Однако, много было на Руси губернаторов, которые по приказу свыше и по долгу службы, «восстанавливали вольность» и содействовали, по мере сил и усердия, решению крестьянского вопроса, однако, сколько известно, ни один не вдохновлял в такой степени и такое количество дворянских сатириков, как Муравьев. Вероятно, потому, что в них видели просто исполнителей; на Муравьева же смотрели иначе: – старый мечтатель и заговорщик:

Тайным действуя путем,
С молотком масона,
Он хотел быть палачом
И дворян, и трона.

Крепостническое дворянство чувствовало в Муравьеве не простого, хотя бы даже энергичного и умелого исполнителя реформы. В его лице, в тревожное время, перед испуганными взглядами явился настоящий представитель того духа, который с самого начала сто-

---

¹⁰ Нижегородская ярмарка была любимым детищем А. Н. Муравьева. На время ее проведения он передавал управление губернией в руки вице-губернатора, а сам перебирался в Главный ярмарочный дом, давая объявление в «Справочном листе Нижегородской ярмарки», что он принимает всех, «имеющих до него надобность... без различия чина, звания, состояния, во всякий час для ежедневно...»

летия призывал, предчувствовал, втайне творил реформу и, наконец, накликал ее. Старый крамольник, мечтавший «о вольности» еще в «Союзе благоденствия» в молодые годы, пронес эту мечту через крепостные казематы, через ссылку, через иркутское городничество, через тобольские и вятские губернские правления и, наконец, на склоне дней стал опять лицом к лицу с этой «преступной» мечтой своей юности. Только теперь, – с горечью говорит дворянский поэт, —

– все изменилось:
За что он погибал,
За то теперь возвысился,
В чести и славе стал.

И был это уже не мечтатель из романтического «Союза благоденствия», а старый администратор, прошедший все ступени дореформенного строя, не примирившийся с ним, изучивший взглядом врага все его извороты, вооруженный огромным опытом. Вообще противник убежденный, страстный и – страшный!.. Научившийся выжидать, притаиваться, скрывать свою веру и выбирать время для удара. Когда, – говорит автор «Муравиады», —

– на губернаторство
К нам прибыл Муравьев,
Скрывал свое он варварство,
Покуда здесь был нов.

Скоро, однако, он выпустил когти и, прежде всего, по свидетельству того же поэта, «верхушки стал ломать». Поэма с нескрываемым сочувствием называет (инициалами) нескольких крупных деятелей откупного и чиновничьего мира, которых «слома» сбросивший маску декабрист, и затем продолжает с негодованием:

Да разве мы причину,
Что с некоторых пор
Идет здесь под сурдиною
Всем людям перебор.
Помещиков, сановников
Всех гонит наш кашей
И душит он чиновников,
Как жирный кот мышей¹¹.

К статье А. А. Савельева («Р. Старина», июнь 1898 г.)¹², из которой я заимствовал некоторые из цитированных фрагментов дворянской сатиры, приложен и портрет Муравьева. В широком, несколько скуластом лице седого человека в генеральском мундире сразу можно уловить типичные муравьевские черты; близкое родственное сходство с его печально знаменитым виленским братом¹³ сказывается ясно: та же энергия, тот же властный, только более спокойный взгляд, тот же отпечаток суровой угрюмости, только более одухотворенный и благородный. Губы энергического склада, густые брови над выразительными молодыми гла-

---

¹¹ А. Н. Муравьев боролся не с отдельными людьми, а со злоупотреблениями, которые этими людьми допускались.

¹² Савельев Александр Александрович (1848–1916) – видный общественный деятель, председатель Нижегородских (губернской и уездной) земских управ (1890–1908), член первых трех Государственных Дум.

¹³ Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866) – брат А. Н. Муравьева, в 1865 г. граф, известен как Муравьев-Виленский.

зами. И мне кажется теперь, когда я знаю основные черты этого характера, что, спокойные на портрете, эти глаза должны легко вспыхивать, а около губ ютится предчувствие угрюмо насмешливой улыбки...

Еще характерная черточка бывшего заговорщика.

В 80-х годах в одном из журналов (кажется, в «Вестнике Европы») печатались записки крестьянина кустарного села Павлова, Сорокина. Это был мечтатель, человек беспокойный, типический «ходок», много и безуспешно воевавший с господствовавшей тогда партией павловского старшины Варыпаева. Дело это было сложное и запутанное. Несомненно только, что Сорокин был человек убежденный, и что противник у него был опасный. Варыпаева знали при дворе, жаловали кафтанами; в консервативной прессе писали о нем статьи, как о патриоте-самородке, и начальство его всячески поддерживало. Сорокина, наоборот, гнали, преследовали и разоряли. Идти против знаменитого павловского старшины – значило тогда восставать против «устоев». Когда однажды Сорокин явился со своим делом к Муравьеву, тот принял его, выслушал очень внимательно, а затем подвел к иконе и заставил поклясться, что он действительно стоит только за интересы мира и не отступит перед гонениями. После этого до конца своей (недолговременной, впрочем) службы Муравьев горячо поддерживал Сорокина.¹⁴

Мне известен и другой случай. В Нижнем я был знаком с Василием Михайловичем Ворониным (о котором мне еще придется говорить дальше). В годы своей юности он служил при Муравьеве чиновником особых поручений, и тоже был приведен старым декабристом к такой сепаратной присяге. Муравьев некоторое время присматривался к нему, давал разные поручения. Однажды, оставшись с ним наедине в своей канцелярии, он посмотрел на него особенным, глубоким, и, как показалось Воронину, растроганным взглядом и затем сказал:

– Молодой человек. Вот вы только начинаете жизнь, прямо со школьной скамьи. Вы – не из дворян. Ваши отцы были мужики. Хотите вы действительно послужить делу народа?

Удивленный и озадаченный этим необычным обращением сурового начальника, внушающего всем трепет, молодой чиновник ответил утвердительно. Муравьев поднялся с кресла, взял его за руку, подвел к иконе и заставил поклясться, что он будет служить народу, не отступая ни перед приманками, ни перед угрозами.

Воронин был уже старик, когда я с ним познакомился, но и по прошествии четверти века об этой минуте вспомнил с волнением... Старый декабрист, очевидно, не вполне доверял устойчивости реформаторских течений, знал, что старое еще постоит за себя, и, кроме официальных сотрудников, вербовал для предстоящей борьбы своего рода членов тайного союза благоденствия.

К таким своим присяжным приближенным Муравьев и относился особенно. Для остального чиновничьего мира это была гроза «При проклятом Мураше», – говорил А. С. Гацискому один из тогдашних чиновников, – «никто покоен не был. Того и гляди, бывало, ляжешь спать судьей, а проснешься свиньей»¹⁵¹⁶.

---

¹⁴ Оба они, и Сорокин и Варыпаев, в молодости были членами кружка Ивана Петровича Елагина, тоже крепостного крестьянина, читавшего Руссо, Вольтера и преклонявшегося перед Р. Оуэном.

¹⁵ А. С. Гациский. Люди Нижегородского Поволжья.

¹⁶ Слова эти принадлежат Михаилу Ивановичу Попову – судье нижегородского уездного суда, коллежскому секретарю, о котором известно, что он очень неприязненно относился к А. Н. Муравьеву.

III

– Да, страшный был, – говорил тот же В. М. Воронин. – Хватка, понимаете, мертвая. Все в нем было необычайное какое-то, непривычное, приноровиться было трудно. Мужикам был доступ к губернатору чуть не во всякое время. В важных случаях – уводил ходоков в канцелярию и тут опрашивал часами. Потом, обдумав, начинает действовать.

Для характеристики муравьевской «мертвой хватки» Воронин очень одушевленно, почти художественно рассказывал разные эпизоды, которые я тогда же, к сожалению, слишком краткими чертами, набросал на клочках. Постараюсь восстановить здесь один такой случай.

Являются однажды ходоки от Н-ской волости (Воронин назвал одну из волостей, кажется, Семеновского уезда). Волость заволжская, богатая, промышленная. Завелись в ней издавна крупные злоупотребления. Застарелые, так сказать, освященные обычаем... традиции! При назначении в уезд, так и считалось: жалованья столько-то, ну, там, квартирные, разъездные, да еще с Н-ской волости. Кроме уездных властей, перепадало и губернским чиновникам, и так эта традиция укрепилась, что никому и в голову не приходило посягать на нее. Куда там! Твердыня и только. Мужичишки и жаловались, особенно новым губернаторам, на всякие сверхъестественные поборы и растраты, да сами же всегда оставались виновны. Прослышав о Муравьеве, не в долгом времени по его назначению, опять послали ходоков. Служили молебны, снаряжали, точно на войну. Знали уже по опыту, что дело это опасное.

Принял их «Мураш», долго и секретно беседовали. Потом зовет меня:

– Займитесь, молодой человек, рассмотрением дел по прежде бывшим жалобам мужиков Н-ской волости. Потребуйте из канцелярии делопроизводство. Через несколько дней спрашивает: – Ну, что? Разобрались? Поняли, в чем дело? – Нет; ничего не понял, ваше превосходительство. По документам, как будто, все правильно. – Ну, конечно, говорит, конечно.

Через несколько дней, так уже перед вечером, прибегает за мной курьер. – Пожалуйте, спешно требует губернатор. – Бегу во дворец¹⁷, у крыльца стоит уже тройка, запряженная в простой крытый тарантас: Являюсь. – Ну, молодой человек, собирайтесь в дорогу.

– Когда прикажете? – Сейчас прикажу. Видели: лошади уже поданы; со мной поедете. Сбегайте домой, захватите важнейшие бумаги по Н-ской волости и через двадцать минут чтоб уже были здесь. – Слушаю! Повернулся я, бегом пустился на квартиру, захватил кое-какие бумаги и оделся. Прибежал раньше, чем через двадцать минут. Смотрю: старик уже готов. Ни дать, ни взять – сибирский прасол.¹⁸ Ничего сановного.

Сели в тарантас. – Куда прикажете ехать? – К перевозу через Волгу. – Подъехали к Борскому перевозу. Темнеет уже, дождь моросит, дело осенью. Паром на той стороне. Я было засуетился, хотел прикрикнуть: – Не знаете, дескать, кто дожидается! Но старик остановил: «Ничего, молодой человек. Подождем, люди небольшие!». Сидим в тарантасе, дождик на реку падает, паромщики не торопятся. Не узнали или прикидываются, каналы, что не узнали, кто их там разберет. А только вернее, что прикидываются. Исправник орел был, молодчина. Давно уже прослышал, что и мужичишки-то нажаловались, и бумаги затребованы... Все бросил. Днюет и ночует на той стороне у перевоза, чтобы встретить, если командируют какую-нибудь внезапную ревизию. Сидим мы, вдруг эта лодочка от берега шаст... Через минуту уже и не видно – на середине реки! Я внимания не обратил, а старик высунул

---

¹⁷ Губернаторский дом в Нижнем принадлежит дворцовому ведомству и называется «дворцом».

¹⁸ Прасол (устар.) – оптовый скупщик скота и разных припасов (обычно – мяса, рыбы) для перепродажи.

голову, смотрит вслед. Понимаете, молодой человек? – Никак нет, ваше-ство... Не понимаю. – Скоро поймете. Учитесь все понимать. Простота, молодой человек, хуже воровства!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.